

ЖУРНАЛЪ
ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ СЪ КАРИКАТУРАМИ.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитоня въ Огородни-
кѣхъ, на Покровкѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки . . . . . 4 р. с.
Съ доставкой и пересылкой въ города . . 5 » — (*)
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗАГРАНИЦУ: Въ Германію, Австрію
и Евр. Турцію 5 р. с., во Францію и Италію 6 р. с., въ
Англію и Испанію 6 р. 50 к. с., въ Швейцарію 7 р. с.

(*) 60 к. с. за пересылку, 40 к. с. за адресъ и баждорожь.

МУЗЕЙ ПУБЛИЧ-
НЕНА
ТЕМА
ВЪ
МАНИ

84
P 17

20559

22

1870

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

(Подражаніе Бюргеру).

Былъ богъ, изъ древнихъ лѣтъ
Довольно знаменитый,
Хотя давно забытый;
Теперь его ужъ нѣтъ:
Онъ палъ—*post Christum natum...*
Никакъ не вспомню *datum*.

Для женскихъ онъ сердець
Страшнѣе былъ заразы,
И разныя проказы
Творить былъ молодець;—
Ну, словомъ—былъ онъ геній
Для тайныхъ похищеній.

Есть ворохъ у меня
О богѣ томъ сказаній,
Въ нихъ много указаній
Нашелъ бы для себя
Иной ловець и нынѣ,—
Лишь знай онъ по латынѣ.

И вотъ кой что о немъ
По этому предмету
Повѣдаю я свѣту;
Но если-бъ обо всемъ
Миѣ разсказать велѣли,
То мало и недѣли.

Пусть мой простой разсказъ
Миѣ пользы не доставитъ,
Но васъ онъ позабавитъ;
Такъ съ Богомъ, въ добрый часъ,
Начну свое сказанье.
Теперь... прошу вниманья!

Разъ, поздно пробудись,
Въ постели Зевсъ валялся,
Пыхтѣлъ и отдувался,
И крикнулъ, разсердясь:
«Чу! тамъ сигналъ парада!
Дождусь ли шоколада?»

И вмигъ камеръ-лакей
Принесъ всего, что надо:
Съ ванилью шоколада
И мягкихъ кренделей,
Халать, и туфель пару,
И лучшую сигару.

Зевсъ выпилъ чашекъ пять
Съ отличнымъ аппетитомъ

И сѣлъ въ окнѣ открытомъ
Отъ скуки—наблюдать,
Вооружась лорнетомъ,—
Что тамъ, на свѣтѣ этомъ?

И, сидя такъ въ окнѣ,
Онъ, въ утреннемъ туманѣ,
Вдругъ видитъ на полянѣ
Толпу дѣвиць,—онѣ,
Гуляя на лужокѣ,
Сбирали тамъ цвѣточки.

Одна изъ нихъ была
Прелестное созданье,
Она въ очарованье
Зевеса привела;
Другія-жь ей дѣвицы
Служили какъ царицѣ.

Какъ опытный знатокъ
Смотрѣлъ онъ на красоту:
Движенья, станъ, походку
И прелесть рукъ и ногъ,—
Пылая жаромъ страстнымъ,
Онъ все нашелъ прекраснымъ.

Онъ ей шестнадцать лѣтъ
Назначилъ по примѣтамъ,
И не ошибся въ этомъ.
Направивъ свой лорнетъ,
Онъ ею любовался
И млѣлъ, и волновался.

И сердце все сильнѣй
Въ груди его стучало,
И въ мысль ему запало
Приволокнуться къ ней,
А чтобъ за это взятся—
Быкомъ маскироваться.

Не знаю право, какъ
Съумѣлъ онъ ухитриться
Въ быка преобразиться;
Но, думается такъ:
Въ игрѣ такого сорта
Не обошлось безъ чорта.

И, сдѣлавшись быкомъ,
На землю онъ спустился
И мигомъ очутился
Въ собраньи миломъ томъ,
И сталъ пастись лукавецъ
По близости красавецъ.

Какъ былъ онъ кротокъ, милъ
Въ своемъ бычачьемъ санѣ!

Онъ роль свою заранѣ
Отлично изучилъ!
Будь онъ актеръ—ну, право,
Ему-бъ кричали—«браво!»

Чтобъ дѣвъ не испугать
Своей осанкой грозной,
Такъ мило, граціозно
Онъ сталъ къ нимъ подступать,
Что былъ онъ въ то мгновенье
Не быкъ, а заглядѣнье!

Красавица, плѣнясь
Такимъ его смиреньемъ,
Сказала съ умиленьемъ,
Къ подругѣ обратясь:
«Гляди, гляди, подружка:
Какой онъ право душка!»

А та ей говоритъ:
«Наружности не вѣрьте:
Гдѣ омутъ тихъ, тамъ черти,
Пословица гласитъ.
Ахъ, милая принцесса!
Остерегайтесь бѣса!»

«Все вздоръ! тутъ нѣтъ бѣсовъ!
Вотъ я его потѣшу—
Рога ему увѣшу
Гирляндой изъ цвѣтовъ.
Его чай тоже тѣшитъ,
Коль за ухомъ кто чешетъ?»

«Прочь, прочь! вотъ онъ идетъ!»
Но быкъ останоился,
На травку опустился,—
Лежитъ себѣ—жуесть,
И смотритъ—съ глупой миной—
Предоброю скотиной.

Красавица, рѣзваясь,
Играть съ нимъ начинаетъ
И на него взлѣзаетъ
И говоритъ, смѣясь:
«Чего-жь его бояться?
Вѣдь можно покататься!»

А быкъ того и ждалъ:
Почувъ это бремя,
Онъ, уллучивши время,
Вскочилъ и поскакалъ
Съ шалуньей слишкомъ смѣлой,
Какъ будто угорѣлый.

«Ахъ, ахъ! держи, держи!»
Всѣ въ страхъ закричали

И съ воплемъ побѣжали
Велѣдъ бѣдной госпожи.
Она кричитъ и плачетъ,
А онъ все шибче скачетъ!

Съ добычею своей
Онъ къ морю безъ оглядки
Летитъ во всѣ лопатки
И въ воду бухнулъ съ ней.
Она прижалась робко,
А онъ плыветъ, какъ пробка.

Но вотъ и островокъ!
Къ нему онъ подплываетъ
И бережно спускаетъ
Принцессу на лужокъ,
И тотчасъ удалился,
Чтобъ духъ въ ней ободрился.

Межъ тѣмъ, пока она
На травкѣ отдыхала
И все припоминала,
Тревожныхъ думъ полна,
Хитрецъ, на все готовый,
Придумалъ фокусъ новый.

Какъ ловкій селадонъ,
Во фракъ онъ нарядился,
Завился, надушился,
И розовый флаконъ
Съ духами ей подноситъ
И освѣжиться проситъ.

Чтобъ легче ей дышать,
Ослабилъ онъ шпуровку
И примочилъ головку,
И началъ расточать,
Подъ видомъ скромной маски,
Любезности и ласки.

«Принцесса! какъ я радъ,—
Сказалъ онъ съ умиленьемъ,—
Что вы судьбы велѣньемъ
Мой посѣтили садъ.
Распоряжайтесь мною,
Какъ преданнымъ слугою.

«Но, замѣчаю я,
Вамъ надобно согрѣться
И вновь переодѣться:
Вотъ хижинка моя,—
Она вамъ незнакома,
Но будьте въ ней, какъ дома.

«Вы все найдете тамъ:
И платья, и сорочки,

И юбки, и чулочки,
И я съ охотой самъ
Исполню всепокорно
Долгъ фрейлины придворной».

Красавица сперва
Немножечко дичилась,
Но все таки склонилась
На нѣжныя слова...
«Ага! вотъ будетъ штука,—
Иной тутъ скажетъ,—ну-ка!»

Нѣтъ, милые друзья,
Напрасны ожиданья:
Скромнаго сказанья
Не ждите отъ меня:
Не къ лѣтамъ мнѣ амуры,—
Да.... страшно и цензуры!

Скажу лишь объ одномъ,
Что ловкій волокита
Аттаку вель открыто,
И время ихъ вдвоемъ,—
Что ксякому понятно,—
Текло весьма пріятно.

Но вотъ скандалъ какой:
Изъ моря всѣ наяды
Вдругъ выплыли и рады
Оказіи такой,—
Смотрѣли и смѣялись,
Красиѣли и шептались:

«Смотрите! экой стыдъ!
На что-жь это похоже?»
Нептунъ тутъ смотреть тоже
И съ хохотомъ кричить,
Облокотясь на вилы:
«Брависсимо, мой милый!»

А знаете-ль, подъ часъ
Я радъ за полъ прекрасный,
Что этотъ воръ опасный
Давно оставилъ насъ.
А впрочемъ, нынче стало
Такихъ быковъ не мало.

О. Миллеръ.

МЕБЛИРТЕ-ЦИММЕРЪ

(нравоописательный очеркъ).

I

Разказъ мой, читатель, не посѣтуй, начнется такъ
обыкновенно, такъ похоже на многое множество раз-

сказовъ, съ которыми тебѣ, по всей вѣроятности, при-
ходилось встрѣчаться, что ты примешь пожалуй и этотъ
очеркъ сначала за вариацию на одну и ту-же давно
избитую и до дыръ изпошенную тему; но, читатель,
во-первыхъ, не будь такъ скоръ въ своемъ рѣшеніи,
ибо скорость не есть еще очень большая добродѣтель,
а во-вторыхъ, прими во вниманіе и то обстоятельство,
что вѣдь это ничто иное, какъ очеркъ изъ жизни людей
самыхъ обыкновенныхъ и притомъ занимающихъ сере-
дину между крайнею бѣдностью съ одной стороны и
всегдашнимъ довольствомъ съ другой. А такъ-какъ
только въ крайностяхъ могутъ случаться необыкновен-
ныя начала и столь же необыкновенные концы, то и
мудрено было бы начать этотъ разказъ необыкновен-
нымъ событіемъ потому уже, что героями его состоятъ
тѣ срединные, безъ крайностей, буднично-сѣренькіе,
незамѣтные человѣчки, для которыхъ часто даже по-
теря трехрублевой бумажки бываетъ очень важнымъ
событіемъ, далеко выходящимъ изъ ряда обыкновен-
ныхъ, и легко могущимъ сдѣлать эру въ цѣлой жизни
каждаго изъ ихъ представителей...

На дворѣ стоялъ скверный, безобразный октябрь: ни
осень, ни зима, а такъ что-то среднее, пропорціональ-
ное и тому, и другому. Я бродилъ по грязнымъ, полу-
замерзшимъ улицамъ, отыскивая квартиру. Вѣтеръ очень
игриво, хотя впрочемъ и очень некстати, то и дѣло
принимался надо мной подшучивать, то разворачивая
полы пальто, начиналъ обшаривать и обыскивать меня
тщательнѣе полицейскаго офицера, то, молодецки раз-
махнувшись, съ визгомъ палеталъ на меня и чуть не
срывалъ вмѣстѣ съ шапкой и самую голову... Вообще
даже самыя невинныя его заигрыванья носили тотъ
мощный, величественный характеръ русско-славянскаго
народности, свойства котораго имѣютъ такую невообра-
зимо-увлекательную прелесть, особенно, когда вспоми-
наешь о нихъ, сидя на мягкомъ полойномъ креслѣ, въ
тепло-истопленной комнатѣ...

Предаваясь такимъ размышленіямъ, я наконецъ до-
стигъ цѣли своего странствованія. Эта цѣль была ничто
иное, какъ такъ называемая «меблирте-циммеръ».

Что такое «меблирте-циммеръ?»...

«Меблирте-циммеръ», въ настоящемъ значеніи этого
слова, есть ничто иное, какъ одинъ изъ перловъ фап-
тази вивѣочныхъ живописцевъ. Приходить, напри-
мѣръ, содержатель номеровъ или нѣсколькихъ комнатъ
съ мебелью къ такому живописцу и просить соорудить
ему вивѣску «по необыкновеннѣе какую, чтобы сама,
какъ говорится, на глаза лѣзла».

— Что же у васъ и благородные будутъ стоять?
важно освѣдомляется живописецъ,—или такъ, вообще,
помера содержите для разночинцевъ?

— Какъ же, какъ же, и для благородныхъ! У меня комнаты тоже и очень даже хорошия есть. Да вы ужь, батюшка, пожалуйста такъ и пригоняйте, чтобы и для благородныхъ, и для простаго тамъ, какого случится, званія...

— Можно-съ! съ достоинствомъ говорить живописецъ,—только трудно-съ. Потому затруднительной категоріи будетъ ваша вывѣска, что никакъ невозможно ей въ конструкцію хоть какихъ нибудь украшеніевъ подпустить; вотъ развѣ только что колеромъ и придется дѣйствовать...

Заказчикъ пучить глаза и молча пыхтитъ: «дѣйствуй, моль!»

— Потому, извольте принять въ расчетъ, урезони-ваетъ живописецъ,—теперь, если для магазина работаема, ну тамъ гляди чѣмъ торгуетъ: колоніальный—и арабески, и орнаментовка такія будутъ употреблены, чтобы подстать ему были... арбузъ тамъ, виноградъ можно изобразить...

— Нѣтъ, это что-жь... это мнѣ не годится! соображаетъ заказчикъ,—да вы, мой почтеннѣйшій, просто такъ, т. е. буквами изобразите, что, дескать, сдаются комнаты... съ мебелью...

— Хм! ухмыляется полупрезрительно, полусамодовольно живописецъ,—это не трудно-съ! Да что-жь тутъ? Тутъ ничего деликатнаго не будетъ: этакъ всякій маляръ сдѣлаетъ. А вотъ вы еще говорите, что у васъ благородные будутъ стоять. Нѣтъ-съ, я вотъ что придумалъ: на трехъ языкахъ написать...

— Какъ на трехъ языкахъ? вопрошаетъ удивленный заказчикъ, никакъ не ожидавшій такого оборота дѣла.

— Ничего мудренаго нѣтъ,—просто спереди написать: «меблированныя комнаты», съ одного бока: «шамбръ-гарни», а съ другаго «меблирте-циммеръ».

— Какже это? три вывѣски значить? продолжаетъ вопрошать заказчикъ.

— Да вѣдь у васъ подъѣздъ?

— Подъѣздъ.

— Ну вотъ,—такъ вамъ три вывѣски и слѣдуетъ сдѣлать!...

И три вывѣски дѣлаются...

Меблирте-циммеръ, куда привела меня судьба, къ счастью моему не всѣ были заняты. Условившись съ хозяиномъ, я занялъ комнату и принялся за разборку своего имущества. Хозяинъ между тѣмъ остановился въ дверяхъ и принялся ораторствовать:

— Ужъ у насъ, будьте покойны, все, какъ слѣдуетъ... тихо... шуму этого, какъ теперь въ иныхъ прочихъ мѣстахъ, и въ поминѣ нѣтъ... А все оттого, что я квартирантамъ поблажки не даю... нѣ-ѣтъ, шалишь!... У меня, чтобы смирно... я на это строго... А то вѣдь

вотъ сами посудите, наберется тоже иной разъ всякаго сброда... крикъ, шумъ, драку затѣютъ... А нешто такъ возможно? Извольте вотъ сами посудить,—никакъ невозможно! этакъ жить никто не станетъ... Что же это, погляжу я, вещей-то у васъ больно мало? заговорилъ онъ вдругъ совсѣмъ другимъ тономъ, какъ-то подозрительно посматривая на нѣсколько штукъ бѣлья и десятокъ книгъ, которыя я очень бережно разставлялъ на покосившейся этажеркѣ;—«маловато, маловато!»—особенно грустно соболѣзновалъ онъ,—«да, да, вотъ тутъ тоже, доложу вамъ, съ этимъ самымъ ремесломъ такъ биспокойно, такъ биспокойно... того гляди тоже въ трубу вылетишь! да-съ! навернется какой нибудь гольтепа—и деньги за первый мѣсяць сполна заплатитъ, а тамъ и не выживешь... живетъ себѣ задаромъ и знать ничего не хочетъ, а имѣнья у него, осмѣлюсь вамъ доложить, одинъ носовой платокъ окажется...»

— Да я еще завтра свои вещи привезу...

— А, завтра? да, ну что-жь, очень хорошо! видимо обрадовавшись, заговорилъ хозяинъ,—и прикрасно! вамъ тутъ очень спокойно будетъ... опять сосѣди у васъ тихіе, смиренные, робкіе... Вотъ развѣ только напротивъ военный маіоръ у меня стоитъ; ну, это точно, иной разъ шумъ производитъ... ну, да почтенный человекъ, заслуженный... вы познакомьтесь... крестъ тоже за вендерскую кампанію имѣетъ...

Но тутъ я прервалъ разглагольствованья хозяина о военномъ маіорѣ съ венгерской компаніей и попросилъ самоваръ.

Въ ожиданіи его я пошелъ побродить по корридору и тотчасъ же наткнулся на очень характерную сцену: господинъ съ длинными усами, въ засаленной венгеркѣ съ оборванными шпурами и туфляхъ, пріотворилъ дверь и видимо принялся поджидать кого-то; дѣйствительно, вскорѣ показался корридорный, тащившій на подносѣ самоваръ, со всѣми къ нему принадлежностями. Вдругъ господинъ въ венгеркѣ стремительно выступилъ пѣ своей засады, уцѣпилъ самоваръ и быстро отретировался съ этимъ трофеемъ къ себѣ въ комнату. Все это было сдѣлано въ одно мгновеніе ока.

— Василій Васильичъ! Что же это?... Господи!... вопилъ корридорный, держа въ рукахъ подносъ съ чашками,—нешто такъ возможно-съ!... Вѣдь это не вамъ самоваръ-то... въ 12-й номеръ!... Василій Васильичъ!...

Но Василій Васильичъ безмолвствовалъ. Корридорный вошелъ къ нему въ комнату и вскорѣ воротился оттуда съ пустыми руками.—Василій Васильичъ окончательно побѣдилъ.

«Эге!» невольно подумалъ я,—«какъ и вездѣ: все борьба за существованіе!... Этакъ, пожалуй, здѣсь мирными средствами не добудешь самовара»...

А между тѣмъ такого рода требованья слышались отовсюду и корридорный изступленно бѣгалъ изъ номера въ номеръ. Потерявъ терпѣніе, я наконецъ рѣшился обратиться къ нему съ такой же просьбой, выраженной, впрочемъ, въ самой деликатной формѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ! торопливо отрѣзалъ онъ, почти опрометью пробѣгая мимо меня, — о, чтобъ передохнуть вамъ всѣмъ! вдругъ совершенно неожиданно пожелалъ онъ, оставляя меня въ полномъ недоумѣніи насчетъ столь желаемого мною самовара... Услышавъ такое въ высшей степени эпергическое воззваніе, обращенное косвеннымъ образомъ и ко мнѣ, я, не чувствуя въ себѣ такой смѣлости, какой обладалъ господинъ въ венгеркѣ, возвратился къ себѣ въ номеръ и, усѣвшись на диванѣ, принялся терпѣливо ожидать рѣшенія своей участи.

Въ комнатѣ было тихо и темно; свѣчка едва освѣщала стѣны; сильно пахло прежнимъ жильцомъ. Это какой-то особенный запахъ, составляющій необходимую, неотъемлемую принадлежность всякаго срединнаго чловѣка и носящій на себѣ непремѣнный отпечатокъ всѣхъ его особенностей, такъ что по запаху можно почти всегда узнать породу своего предшественника. Если запахъ очень легкій, отзывающійся нѣсколько лежалой бумагой и табакомъ, то можно сказать почти навѣрняка, что предшественникомъ былъ студентъ; легкость воздуха происходитъ тутъ вообще отъ пустоты, обыкновенно царствующей въ комнатахъ, занимаемыхъ студентами. Прокислый, сильно бьющій въ носъ запахъ, отдающій чѣмъ-то въ родѣ той атмосферы, которая господствуетъ въ іріемныхъ и швейцарскихъ присутственныхъ мѣсть, гдѣ перемѣшиваются всевозможные запахи вмѣстѣ, — обличаетъ долгое пребываніе въ комнатѣ небольшого чиновника. Легкости воздуха ужъ тутъ нѣтъ, потому что чиновникъ живетъ не голышемъ, онъ заведетъ многое множество милыхъ и дорогихъ ему вещицъ: мѣдную песочницу, которую онъ будетъ мыть и чистить аккуратно каждую субботу, что собственно и будетъ составлять главное назначеніе такой песочницы, потомъ шитую подушку на диванъ, которой вскорѣ сообщится хозяйскій запахъ, халатъ, бутылъ съ «утѣшительной», плательную щетку, стеклянку съ одеколономъ, плевательницу, баночку съ помадой и непремѣнно хоть какой нибудь пластырь или бальзамъ, которымъ онъ ископѣ-вѣку лѣчится ото всякихъ болѣзней...

Вскорѣ появился давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый самоваръ и очель весело зашипѣлъ. Я налилъ стаканъ и, машинально помѣшивая ложечкой, задумался о чемъ-то и невольно сталъ прислушиваться къ разговору моихъ, по словамъ хозяина, «робкихъ» сосѣдей.

— Саша! ленеталъ чей-то почти дѣтскій голосокъ, — Саша! холодно!... Ты бы сходилъ — попросилъ... можетъ дали бы? А то такъ холодно... холодно!... Ахъ, съ какимъ бы я удовольствіемъ напилась теперь чаю...

И я чувствовалъ, какъ говорившая эти слова ѣжилась, произнося ихъ...

— Да что-жъ мнѣ дѣлать... что дѣлать! говорилъ кто-то отчаянно-тоскливымъ тономъ, — что-жъ я буду дѣлать, если эти мерзавцы ничего не хотятъ знать, кромѣ своего кармана... Да развѣ я не просилъ ихъ... Эхъ, Лѣня, Лѣня! просилъ!...

Лѣня, въ отвѣтъ на это, только захныкала опять какъ-то совершенно по дѣтски, такъ что предо мной тотчасъ же нарисовалась эта маленькая скорчившаяся фигурка съ большими печально-голубыми глазами, съ маленькими прозрачными ушами и съ бѣлокурными рас-трепаншимися на лбу волосенками...

Эта грустно-простенькая сцепка произвела на меня невыносимо тяжелое впечатлѣніе: я бросилъ свое подслушиванье, паскоро допилъ чай и часовъ въ десять уже завалился спать.

Мнѣ не спалось. Слышно было, какъ на самомъ концѣ корридора кто-то заливался самымъ звонкимъ смѣхомъ. Корридорный постукивалъ каблуками, бѣгая изъ номера въ номеръ. У самыхъ моихъ дверей, какъ мнѣ вазалось, стоялъ «военный маіоръ» и зангрывалъ съ корридорной дѣвницей.

— Ты, ррозанчикъ, какъ на меня смотришь? выговаривалъ онъ. — Вы только, мой дружочикъ, должны въ пріятности ко мнѣ пребывать, а что если теперь, напримѣръ, на счетъ чего инаго, то мы на это дѣло даже очень тороваты бываемъ! обработывалъ маіоръ.

— Саша, а Саша! за что-жъ мы съ тобой такіе несчастные? а? спрашивала за стѣною Лѣня.

Я закуталъ голову одѣяломъ, чтобы не слышать опять этого разговора, и постарался заснуть.

На другой день я отправился обѣдать въ кухмистерскую, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ того же дома. На дверяхъ ея красовалась лаконическая, но тѣмъ не менѣе весьма краснорѣчивая и многоговорящая надпись: «Здѣсь разнаго рода кушанья». Тамъ я засталъ «военнаго маіора» и высокаго красиваго лѣтъ тридцати пяти господина, съ необыкновенно открытымъ и сразу иривающимся лицомъ. Оба они что-то очень усердно уписывали.

— Ага! загорманилъ вдругъ маіоръ, отирая руки о висѣвшую у него на шеѣ салфетку и простирая ихъ ко мнѣ, — очень радъ съ вами, мой почтеннѣйшій, познакомиться. Вашъ визави по номеру, а «визави ту-журъ ле зами!» похвасталъ онъ знаніемъ иностранныхъ языковъ. — Вы что ѣсть будете? неожиданно спросилъ

онъ, устремляя на меня необыкновенно-проницательный, такъ сказать, судебнослѣдовательный взглядъ.

— Да не знаю, вотъ надо будетъ посмотрѣть... проговорилъ я, хватаясь за карту.

— Да, да, вы посмотрите! одобрилъ онъ и снова принялся, какъ-то необыкновенно всхлипывая, вбирать въ себя съ ложки борщъ.

— Вотъ развѣ курицу съ пилафомъ? раздумчиво говорилъ я, просматривая карту.

— Не стойтъ. Карица—щепка. Пилавъ—чортъ знаетъ что, съ видомъ знатока критиковаль маіоръ.

— Ну вотъ—зразы?

— Никуда не годятся. Каша словно курамъ заваривалась, а говядина — точно ремень отъ шанцеваго инструмента!

— Скажите!... Ну, макароны?

Но тутъ маіоръ только фыркнулъ и брызги борща полетѣли прямо мнѣ въ лицо.

Видя, что съ такимъ строгимъ гастрономомъ, какимъ былъ маіоръ, не сговоришь и боясь уже спросить его мнѣнія, я остановился на бифстексѣ. Маіоръ только презрительно посматривалъ на меня, когда я принялся уплетать поданное мнѣ блюдо.

— Кто это? тихо спросилъ я его, указывая глазами на красиваго господина, сидѣвшаго на другомъ концѣ стола.

— Сосѣдъ вашъ... новый человѣкъ!

— Почему же это «новый человѣкъ»? полюбобытствовалъ я.

— Да такъ... хозяинъ говорить, другой мѣсяцъ за квартиру не платить... Живеть съ женой особнякомъ: ни мы къ нему, ни онъ къ намъ... гнушается что ли нами, чортъ его знаетъ,—только не ходитъ! Конечно, нашъ братъ солдатъ человѣкъ бѣдный, угощеніевъ тамъ разныхъ производить не можетъ... А онъ, должно такъ полагать, когда-то баринномъ состоялъ: такой иной разъ форсъ показываетъ,—просто страсть! Ну, да профершился должно быть порядкомъ, а въ настоящее понятіе войти еще не можетъ...

Послѣ такой необыкновенно краснорѣчивой характеристики незнакомца, я еще болѣе имъ заинтересовался, тѣмъ болѣе, что вчерашняя сценка и маленькая Лена не выходили у меня изъ головы.

Я отошелъ отъ маіора и, взявъ газету, сѣлъ напротивъ сосѣда и пристально слѣдилъ за нимъ. Тотъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ тоже просматривалъ какую-то газету.

Вдругъ онъ взглянулъ на меня и поймалъ мой взглядъ, устремленный на него... я невольно смѣшался...

— Извините, заговорилъ онъ вдругъ мягкимъ и симпатичнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно говорятъ

хорошіе, но зашибленные судьбою люди,—вы кажется мой сосѣдъ? Позвольте пожалуйста съ вами познакомиться... Извините, что я такъ... прямо... Надѣюсь, что это не покажется вамъ навязчивостью? Но если бы вы знали, какъ здѣсь скучно... Вы кажется университетскій,—я тоже: кандидатъ дерптскаго университета, Александръ Сергѣевичъ Діонисовъ...

Я необыкновенно обрадовался, что знакомство такъ скоро завязалось между нами. Слово за слово—мы разговорились.

— Да-съ, скажу вамъ откровенно, говорилъ онъ,—не удалась мнѣ моя жизнь: я служилъ, работалъ, какъ могъ, да не повезло мнѣ на службѣ... Вы знаете, тогда еще было слишкомъ темное время... великихъ реформъ нашего времени тогда еще не было и въ поминѣ.. Да, тяжело было служить!... Вездѣ былъ такой обскурантизмъ... такой... да и знаете ли, за что я потерялъ мѣсто? За то, что устроилъ на свои деньги больницу и пріютъ для бѣдныхъ! Да-съ, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ! Вотъ то преступленіе, за которое я осужденъ теперь всю свою чисто мученическую жизнь изъ кожи вонъ лѣзть, чтобы только съ голоду не умереть... О себѣ-то я конечно не забочусь... давно ужъ и рукой махнулъ... даже, пожалуй, и руки бы на себя наложилъ... да вѣдь у меня жена еще совсѣмъ ребенокъ... въ его голосѣ слышались слезы;—извините, не держиваю ли я васъ? неожиданно спросилъ онъ меня, смотря мнѣ въ лицо своими ласковыми, красивыми глазами; видно было, что ему сдѣлалось вдругъ какъ-то совѣстно за свою непрошенную откровенность передъ почти незнакомымъ человѣкомъ,—но если бы вы знали, продолжалъ онъ,—какъ пріятно поговорить отъ души съ человѣкомъ, которому не чужды гуманный взглядъ на жизнь, который...

Но тутъ забытый нами маіоръ вдругъ неожиданно фыркнулъ и тѣмъ окончательно разстроилъ нашу бесѣду. Это фырканье видимо сильно подѣйствовало на моего пріятеля: онъ тотчасъ же схватился за шапку, молча пожалъ мнѣ руку и ушелъ. Бѣднаго малаго сильно огорчило это скотское фырканье.

— Ишь ты, больницу выстроилъ! ехидствовалъ, по уходѣ Діонисова, маіоръ,—пріютъ!... Аххъ и дураки же есть на свѣтѣ, Господи Боже мой!...

«Однако вѣдь это далеко не безъинтересная личность», думалъ я, возвращаясь изъ кухмистерской,—надо, надо будетъ завести знакомство поближе...

П. В. Анов . . ъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣкій гражданинъ Китая подноситъ маюдину Ка-рин-чи-тѣу подарокъ за принятое имъ участіе въ устройствѣ проѣзжихъ воротъ у его дома.

МОСКОВСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Дорогая ссора новыхъ типовъ изъ-за старыхъ дешевыхъ товаровъ.—Фабрикація этихъ товаровъ.—Дешовый рассказчикъ, забивающій дорогихъ актеровъ.—Сужденія прислужниковъ Меркурія о вечерѣ своего клуба.—Послѣдній литературно-музыкальный вечеръ Дворинскаго клуба, съ участіемъ гг. Франца Шинька, Бюхнера, Гаиринной, Акимова и Федотовой. — Странная случайность, помѣшавшая участію П. А. Григоровскаго.—Замѣчательная сценическая новостъ.

— Вы ужъ пожалуйста оставьте въ покоѣ все ваши дешевые товары! Отъ нихъ одинъ только убытокъ, напрасная трата денегъ! говорилъ онъ.

— Да вы съ ума должно быть сошли! возражала она,— Ну какъ же можно обойтись безъ дешевыхъ товаровъ, когда и по дому пужно много разныхъ разностей, да и прислугѣ необходимы подарки!

— Такъ вы и замѣните дешевые товары дорогими. Въ десять разъ будетъ выгода!

— Ахъ, вы безсовѣстные, неблагодарные мужья! Да развѣ не для вашихъ кармановъ мы, бѣдныя женщины, рѣшаемся переносить всю давку, все пинки, все толчки на дешевыхъ товарахъ! говорила разгорячаясь она, отставивъ въ лицѣ своемъ всехъ омыхъ прекраснаго пола.

— Нѣтъ, ужъ никакъ не для нашихъ кармановъ, а развѣ для нашей безкарманности! возражалъ кляпаясь онъ за всехъ однополыхъ съ нимъ омыхъ. — Накуните, продолжалъ онъ, — всякой дряни по дешевымъ цѣнамъ и воображаете, что въ барышахъ! Купцовъ, вишь, надули, а они надъ вами только подсмѣиваются!

— Ну, послушайте! Вы вѣдь, я знаю, все это говорите такъ! Неужели вы забыли, какъ выгодно накупила я въ прошлую Фоминую всехъ намъ разныхъ кисеекъ для дачной жизни, какъ дешево, чуть не за даромъ, обошлись ситчики и для горничной, и для кухарки, и даже для насъ?

— Нѣтъ-съ, не забылъ, помню-съ, очень хорошо помню-съ, какъ на эти чуть не даровые ситчики и кухарка, и горничная плакались, а кучеръ съ дворникомъ такъ проето нагубили за ваши ситчики! У всехъ эти «чуть не даровые» ситчики полиняли да распозлились прежде мытья! Вотъ каковы ваши дешевые товары!

— Ну что-жъ такое, если они мѣстами и были гниловаты, за то дешево!

— Да вѣдь мнѣ пришлось потомъ вашу дешевизну оплачивать дорогой контрибуціей изъ своего кармана! Вы это не забудьте!

— Но послушайте наконецъ! Признайтесь по совѣсти: развѣ не задаромъ пришлось и бархатъ цвѣтной, и атласъ?

— То-есть, вы хотите сказать атласные да бархатные обрывки! Да-съ, почти даромъ, чуть-чуть что не дешевле пареной рѣпы! Въ этомъ я самъ могу сознаться!

— Ну вотъ видите!

— Да, я-то вижу! Но вы-то не видите, что дѣлается въ вашихъ гардеробныхъ шкафахъ и сундукахъ!

— Скажите пожалуйста, что же тамъ такое?

— А трапичная бурда и ничего больше! Все эти ваши благопріобрѣтенные по дешовой цѣнѣ товары валяются тамъ безъ всякой субординаціи, потому что въ нихъ, при всей

ихъ дешевизнѣ, никакой надобности не было и быть не могло! Никуда ихъ нельзя ни пришить, ни пришпилить!

— Долежатся, пойдутъ на отдѣлку!

— То-есть истранижите еще лишнюю сотню рублей, чтобы пристроить къ мѣсту грошовыя отдѣлки! Нечего сказать, хорошъ барышъ, выгодны ваши дешовые товары! Вотъ тоже въ прошломъ году накупили разныхъ галантерейныхъ бездѣлушекъ, которыя въ сундукъ же у васъ всѣ почернѣли!

— Да вы хоть то только сообразите: почему я ихъ покупала? По гривеннику мнѣ доставались запонки накладнаго золота!

— То-есть *кострюльнаго*! Выражайтесь точнѣе!

— А портсигары и портмоне по полтиннику! Вѣдь это даромъ!

— Совершенно вѣрно, да только и лежать—то они у васъ тоже задаромъ въ шкатулкѣ! Ихъ вѣдь въ руки взять совѣстно, а вы обрадовались дешевизнѣ, накупили никакъ цѣлую дюжину.

— Не правда, не правда! Всего только восемь штукъ!

— Небось мало! Считаю по пятидесяти копеекъ, выйдеть четыре рубля, за которые было бы можно имѣть одну да сносную вещь, а вы накупили цѣлый ворохъ противной дряни!

— Ахъ, Боже мой, но за такія ничтожныя деньги какъ же можно быть требовательнымъ!

— Да покупать-то незачѣмъ было, поймите вы меня!

— Ахъ, мой Создатель! когда дешево!

— Фу, ты на! Какія же вы безголковыя, ну точно гоголевская Коробочка!

— Что? Я гоголевская Коробочка? Я—Коробочка? Я! Такъ вы послѣ этого гоголевскій Ноздревъ!

Едва членораздѣльные звуки послѣднихъ словъ успѣли вылетѣть изъ устъ бесѣдовавшихъ, какъ оба они, и *онъ*, и *она*, воспламенились такимъ гнѣвомъ, какъ будто въ произнесенныхъ словахъ заключалась для каждаго изъ нихъ кровная обида, тогда какъ ни собесѣдница не походила всецѣло на Коробочку, ни собесѣдникъ не былъ вполнѣ похожъ на Ноздрева. Напоминавая собою названныхъ прототиповъ, они сами по себѣ представляли своеобразныя типичности по отсутствію какихъ либо рѣзко выдающихся особенностей. Какъ *онъ*, такъ и *она* легко могли бы обходиться совсѣмъ *безъ имени*, замѣняясь этими именно *мѣстоимѣніями*. Что *она* дѣйствительно не рѣдко походила на Коробочку, въ томъ легко могъ убѣдиться каждый, хотя поверхностно съ нею знакомый,—что *онъ* часто напоминалъ собою Ноздрева, въ томъ безъ труда убѣждался всякій имѣвшій случай пользоваться его расположеніемъ, но никто положительно не рѣшился бы признать ни *его*, ни *ее* совершенно тождественными съ своими прототипами!.. Правда, что она по безтолковости своей дѣлала въ жизни много промаховъ, но при всемъ томъ смѣло можно поручиться, что никуда не поѣхала бы справляться о цѣнѣ на «мертвыя души», а продала бы ихъ безъ всякаго спроса, точно такъ-же, какъ иѣкогда продавала «живыя». Не подлежало также никакому сомнѣнію, что и *онъ*, играя въ клубѣ въ карты, имѣлъ непреодолимую страстишку къ чужимъ картамъ и весьма искусно запуская въ нихъ своихъ глазуновъ, но никогда не подвигалъ рукавами чужихъ шашекъ и ни на кого не замахивался подвѣчками. Впрочемъ его пріатели, подсмѣваясь, утверждали, что

будто онъ воздерживался отъ подобныхъ ноздревскихъ выходовъ потому только, что былъ сложенія значительно слабѣйшаго сравнительно съ своимъ прототипомъ, да къ тому же любить забавляться только бумажными пеструшками, а деревянныхъ шашекъ терѣть не могъ!.. Наружность этого ноздревского правнука, такъ-же какъ и коробочкиной правнучки, соответствовала всѣмъ вообще еуществамъ обоого пола немного постарше среднихъ лѣтъ безъ всякихъ рѣзко выдающихся очертаній. Въ нихъ и достоинства, и недостатки были общечеловѣческіе... Каждый смертный легко могъ бы найти въ нихъ что нибудь похожее на себя и никто положительно не призналъ бы въ нихъ своего портрета. Какъ представитель пола непрекраснаго, *онъ* былъ расчетливѣе даже въ поблажкахъ своимъ слабостямъ; *она*, какъ одна изъ дочерей Евы, предавалась и наслажденіямъ, и огорченіямъ отъ всего сердца, съ полнымъ самоотверженіемъ!.. Растолковать нелѣпность какого нибудь увлеченія, закравагагося въ ея коробочкину душу, было несравненно труднѣе, чѣмъ побѣдить упрямото ноздревского потомка. Почти всегда случалось, что сей послѣдній рѣдко выдерживалъ стремительную атаку своей подруги, но по вопросу о «дешевыхъ товарахъ» онъ уперся не хуже ретиваго коня съ норовомъ!

— Если бы вы могли только понять, какое подворье въ хозяйствѣ эти «дешовые товары», такъ вы бы навѣрное не стали возставать противъ нихъ!

— Понялъ-съ! Очень хорошо понялъ-съ, потому-то вотъ и рѣшился покончить съ этими дешовыми товарами. Они обходятся каждый годъ рублемъ въ триста, а это, въ наше безденежное время, совсѣмъ не дешево!

— Ахъ, Боже мой, да вы просто уморять меня хотите!

— Нѣтъ, зачѣмъ же: живите на здоровье! У насъ такъ много развелось друзей дома, что ваша смерть привела бы всѣхъ ихъ въ отчаяніе!

— Это что значить? Вы кажется ревнуете?

— О, нисколько! Я такъ только къ слову сказала!

— Нѣтъ, не такъ! Не такъ! Я васъ очень хорошо понимаю!.. Вы думаете, что мнѣ неизвѣстно, куда вы сами-то ѣздите по вечерамъ! Вы воображаете, что я ничего не вижу! Что я слѣпа! Глуха! кричала усовершенствованная Коробочка.

— Да не въ этомъ сила, а въ томъ, что ваши пѣвцы какъ утки прожорливы, скоро совсѣмъ объѣдятъ!

— Что? И вы смѣете такъ отзываться о лицахъ, отмѣченныхъ перстомъ Прометей!

— Фу! Да какимъ же вы поэтическимъ слогомъ учились выражаться съ этими прометеевскими существами! Но я на счетъ ихъ, также какъ и относительно дешовыхъ товаровъ, рѣшился покончить однажды и навсегда!

— Какъ? Вы не хотите принимать образованныхъ пѣвцовъ, тогда какъ сами просиживаете ночи у цыганъ, слушая ихъ раздирающія душу пѣсни? Вы думаете, что я не знаю, что въ ихъ таборѣ вы и днюете, и ночуете! воскликнула такимъ пронзительнымъ голосомъ усовершенствованная Коробочка, что усовершенствованный Ноздревъ сперва струсиль, а потомъ самъ расхрабрился.

— Чтобы тамъ ни было, а я ужъ больше не прикажу пускать этихъ пѣвцовъ! Шутка сказать: пять цѣлыхъ повадился таскаться чуть не каждый день! Нѣтъ, слуга покорный!

— Да что-жь такое, что пять! Ваша одна цыганка стоит десятерых!

— Может быть! Спорить не стану, а только ваши пѣвцы больше носу сюда не покажутъ, я ужь распорядился!

— А когда такъ, то я сейчасъ надѣлаю скандалъ вашей противной цыганкѣ!

Съ этимъ словомъ усовершенствованная Коробочка опрометью бросилась въ свою спальню, накинула на себя бурнусъ и быстро выбѣжала на улицу.

Между тѣмъ въ «городѣ», въ Панскихъ рядахъ и въ особенности въ Ножовой линіи, шли самыя дѣятельныя приготовленія къ дешовымъ товарамъ, или вѣрнѣе дѣятельно страпались дешовые товары: хозяева и прикащики вели между собою самую оживленную болтовню.

— А какъ же прикажете, Петръ Сергѣичъ, на счетъ разрозненныхъ перчатокъ? спрашивалъ молодецъ своего хозяина, великаго постника, пробавляшагося во весь постъ одними астраханскими снятками да московскимъ солодомъ.

— Есть о чемъ тужить! Ты возьми двѣ свѣжихъ пары, да положи одну на верхъ, а другую снизу, да прихлеси всю дюжину покрѣпче питочкой! Смѣкаешь? отвѣтствовалъ вопрошаемый постникъ.

— Будьте благонадежны! Оборудуемъ-съ!

— А что намъ, Сергѣй Никитичъ, дѣлать съ дырчатыми платочками да шемизетками? спрашиваетъ молодецъ своего хозяина съ особенными московскими ужимками.

— А развѣ ужь очень обѣзъянились?

— Да такъ обѣзъянились, что въ руки даже взять оченно будетъ противно!

— Ну такъ ты *ручными* ихъ и не дѣлай, а занакуй поусердиѣ въ новыя обертки, да бичевочку привяжи, чтобы, значить, покупательницы не могли ошупывать, а только одними глазами бы созерцали, да цѣну выставь свою цифирями повидиѣ! Съ руками оторвутъ!

— Эй вы, молодцы, что тамъ такъ копаются? Точайте проворитѣ! хриплѣзъ чей-то надорванный голосъ.

— Да никакъ, Копъ Никоничъ, невозможно-съ! Однѣ вѣдь какъ есть лохмотья! Каждую косынку штопаемъ! Ужь пускать ли ихъ въ дешевые товары, больно дрянны? пищали дискантовыми голосками мальчишки.

— А по вашему хорошими первосортностями подчивать публику? Па то и Фомина недѣля, чтобы всякую негодность сбывать!

— А какъ, Василій Аоонасычъ, изволите полагать относительно, примѣрно сказать, шарфиковъ да парасолекъ? Развернуть ихъ, такъ съ души спретить, гнилью да плесенью такъ и шибаетъ! Дотронуться даже боязно! Совѣтъ никуда негодящій какъ есть товаръ! спрашивалъ молодецъ своего хозяина, тоже постника, но пробавляшагося постомъ не грибами, а осетришкой.

— Ну такъ въ «дешовый товаръ» и вихай, да дырчатымъ затыкай! отвѣтствовалъ рыбный постникъ.

— Пѣтъ худа безъ добра! Это ужь вѣрно! разсуждалъ бойко прикащикъ въ Панскомъ ряду съ пріятелями.

— Оно точно что вѣрно, да только, кажись, никакого тутъ примѣра нѣтъ сдѣлать къ актерамъ Вильде съ Самаринымъ.

— Да какъ же нельзя то-съ? Дѣло-то совѣтъ очевидное! Покедова они состояли значить, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Артистическимъ клубомъ, оба они, и даже съ самой Васильевой, никогда не почитывали въ нашемъ

Прикащикемъ клубъ; ну, а теперь-то, какъ разгнѣвались на Артистическій, такъ стали и насъ удостоивать! Вотъ и выходитъ, что не будь Артистическому клубу *худо*, не видать бы и нашему Прикащикему *добра*?

— А что, развѣ ужь очень тогда ублаготворили?

— Не то чтобы *очень*, а много довольны!

— А почему же *не очень*?

— А потому самому, что ихъ сильно зашибалъ разскащикъ Гулевичъ. Онъ все про жидовъ разныя потѣшныя исторійки разсказывалъ, какъ значить жидъ на балу приглашалъ старую барыню танцовать и старой чертовкой ее обругалъ; потомъ какъ одинъ жидъ собирався ѣхать на пароходѣ не туда, куда онъ шолъ и требовалъ себѣ билетъ седьмаго класса; еще какъ одному жиду зубъ выдергивали, а ему жаль было цѣлковаго!

— Да вѣдь это ужь онъ по нѣскольку разъ разсказывалъ!

— Что-жь такое, когда хорошо, а ничего другаго лучшаго не имѣется! И за то должны мы быть ему оченно благодарны, потому расцѣпить умѣетъ и супротивъ его ни Самарину, ни Вильде не устоять. Они хоша оба читали назидательныя исторіи: Вильде вотъ прочелъ какія-то совѣтъ не игранныя сцены изъ Гамлета, принца Датскаго, да изъ какого-то еще Макбета, и оченно даже толково прочелъ; а Самаринъ еще болѣе того поусердствовалъ: изволилъ отхватить *шесть* цѣлыхъ главъ изъ романа господина Чаева, какъ бишь его?... Да, «Подспудныя силы!» Въ нихъ повѣствовалося о крѣпостномъ скрипачѣ, которому одна княгиня подарила скрипку и такую раскрасавицу, что онъ налюбовагся на нее не могъ, а баринъ его вдругъ возьми да потребуй къ себѣ въ вотчину играть для обѣда съ губернаторомъ; и онъ такъ тамъ заигралъ, что губернаторъ самъ собственноручно его обнялъ и при всей почтеннѣйшей публикѣ поцѣловалъ, а баринъ поцѣловалъ въ плечо губернатора, а пьяный гость очень гнѣвался на это цѣлованіе! Очень чувствительно почитывалъ г. Самаринъ и слушать его было усладительно, но какъ вслѣдъ за тѣмъ появился Гулевичъ да принялся отхватывать свои анекдотцы, то вся самаринская сладость и вильдевская толковость такъ и отшатнулись въ сторону. Гулевичъ просто со смѣху уморилъ всѣхъ насъ! Да и никакимъ актерамъ за нимъ не угоняться, потому всѣ они больше для души да для сердца, а Гулевичъ для зубоскальства, и на немъ, можно сказать, собаку съѣлъ, такъ ужь Самарину съ Вильде за нимъ не угоняться! Миѣ такъ думается, что наши прикащики старшины для того и пригласили Самарина да Вильде вѣстѣ съ Гулевичемъ, чтобы показать нашей гостиннодворской публикѣ, какъ дешовый разскащикъ можетъ забить дорогихъ актеровъ!

— Пѣтъ, а вотъ въ нашемъ клубѣ недавно давался музыкальный вечеръ, такъ ужь было чего послушать! ораторствовалъ нѣсколько дѣлѣ красивый купчикъ, сердечная зазноба замоекворѣцкихъ купчихъ и купеческихъ дочекъ.

— Да какой же это такой *вашъ* клубъ? отнесся полувопросительно, полунасмѣшливо молодой коммерсантъ съ красносизымъ носомъ, выдававшимъ его наклонности къ горячительнымъ прохладеніямъ, и съ маслянистыми взорами, выказывавшими такое пристрастіе къ полу иѣжному, что многіе изъ его знакомыхъ сомнѣвались, что товаръ продавался иѣжному полу за наличныя деньги! Стоустая молва утврждала, что будто бѣлокурой Аннѣ Павлиновнѣ, а впоследствии черноволосой Марьѣ Филиновнѣ всѣ шелковыя

принадлежности костюма отдавались въ долгъ безъ отдачи. На замѣчания, дѣлаемая ему по этому вопросу, кучинокъ съ красносизымъ носомъ ловко отшучивался, или притинался надъ кѣмъ нибудь самъ подтрунивать. — Ну такъ который же это *вашь*-то клубъ? продолжалъ допытываться красносизый носъ у замоскворѣцкой зазнобы.

— Да Дюрянскій! Я тамъ членъ! отвѣчала конфузясь зазноба.

— Эге! Это выходитъ заплатили *красненькую*, чтобъ посѣщать семейные вечера по середамъ да по субботамъ?

— Ну да!

— Ну такъ до членства-то вамъ также далеко, какъ кулику до Петрова дни! Погодите бы надо величать Дюрянскій клубъ *нашимъ!* приставала красносизый носъ.

— Да не въ этомъ совѣтъ дѣло, а въ музыкальномъ вечерѣ!

— Ахъ, да вѣдь вы хотѣли поразеказать намъ о немъ! Ну-съ, извольте-съ говорить! Послушаемъ вашихъ рѣчей!

— Вечеръ этотъ былъ послѣдній и смастерили его старшины самымъ отмыннымъ образомъ!... Да нечего ухмыляться-то! прикрикнула замоскворѣцкая зазноба на красносизый носъ. — Тамъ такой игралъ скрипачъ, что вѣкъ бы его слушалъ и никогда бы не наслушался! Онъ совѣтъ не здѣшній, а вѣнской *обсерватори*...

Почтенный коммерсантъ хотѣлъ сказать *консерватори*, но по созвучію безъ всякаго ехидства перемѣшалъ слова. Собесѣдники, иностраннымъ языкамъ не обучавшіеся, не поняли ошибки, и замоскворѣцкая зазноба, довольная, что представилась возможность щегольнуть ей передъ своими собратьями по аршину заморскимъ словомъ, продолжала съ большимъ воодушевленіемъ: — Этотъ послѣдній вечеръ отличался такою отмыпностью и такія, я вамъ доложу, въ немъ были музыканты, рѣвцы да пѣвицы, что...

Но позвольте, читатели, передать вамъ хотя въ короткихъ словахъ свое личное мнѣніе о всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ послѣднемъ музыкальномъ вечерѣ Дюрянскаго клуба, который дѣйствительно былъ однимъ изъ удачнѣйшихъ въ дѣломъ сезонѣ, благодаря участію такого дорогаго гостя, какъ г. Францъ Шипекъ. Въ программахъ вечера значилось, что г. Ф. Шипекъ скрипачъ, получившій *первую медаль вѣнской консерватори*. Подобный эпитетъ или вѣрнѣе — дѣлая *эпитетическая* фраза совершенно напрасно была приставлена къ имени такого артиста, игра котораго краснорѣчивѣе всякихъ *медалей* говорила за себя. Въ первомъ отдѣленіи г. Шипекъ исполнилъ «фантазію» на мотивы изъ оперы «Отелло» — Эрнста. Кто хотя немного знакомъ съ музыкальнымъ композиціями Эрнста, тому должна быть вполне понятна та техника, которою обязанъ обладать музыкантъ даже для посредственнаго исполненія произведеній этого капризнаго композитора, мучившаго своихъ поклонниковъ труднѣйшими пассажами. Игрою своею г. Шипекъ не только доказалъ, что для него не существуетъ никакихъ трудностей, но что онъ обладаетъ притомъ искусствомъ выполнять ихъ съ невыразимой, непередаваемой никакими словами увлекательностью. Во второмъ отдѣленіи исполненіемъ фантазіи на мотивы изъ нашей родной «Аскольдовой могилы» г. Шипекъ привелъ своихъ слушателей въ такой восторгъ, что вся зала, въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, оглашалась единодушными рукоплесканіями и криками «браво».

Еслибы по этимъ вполне заслуженнымъ оціанамъ при-

шлось присуждать «пальму первенства» соучастникамъ описываемаго музыкальнаго вечера, то пальма та, безъ всякаго сомнѣнія, досталась бы молодому скрипачу Францу Шипеку. Но если бы присужденіе подобной награды (считавшейся у древнихъ грековъ высшею) предоставлена была на безусловное распоряженіе самихъ экспертовъ, то они навѣрно пальмовой вѣткой украсили бы голову не молодаго заѣзжача къ намъ скрипача, а нашего арфаго флейтиста Франца Бюхнера, доведшаго свою игру на неблагоустроенномъ, малозвучномъ инструментѣ до такого совершенства, выше котораго едва ли можно что нибудь требовать. При мастерской игрѣ этого артиста тшелубная флейта съ своими свистящими, безпрестанно обрывающимися звуками, превратилась въ могучій инструментъ, имѣющій право на конкуренцію съ самимъ царемъ музыки — голосомъ! Необыкновенная звучность и полнота каждой отдѣльной ноты слышались при исполненіи этимъ флейтистомъ трудной «концертной фантазіи» Брочарди. При исполненіи же нашего голосистаго «Соловья», совершенно роднаго такому инструменту, какъ флейта, г. Бюхнеръ былъ неопредѣлимъ! Нѣжные, симпатичные, проникающіе въ душу звуки лились безостановочно, какъ будто г. Бюхнеръ игралъ совѣтъ не на духовомъ инструментѣ, зависящемъ отъ дыханія. Въ его игрѣ перерывы звуковъ были неувидимы. Цѣльные ноты тянулись ровно, безъ обычныхъ на флейтѣ выдуваній и безъ всякихъ рѣшительно перерывовъ переходили и въ рулады, и въ трели. Такая, смѣло можно сказать, совершеннѣйшая игра на несовершенномъ инструментѣ привела въ восхищеніе всѣхъ, хотя сколько нибудь понимающихъ музыку. Нельзя не пожалѣть, что такой музыкантъ, какъ г. Бюхнеръ, не дающій изъ скромности у насъ концертовъ, представляется для насъ музыкальною новостью.

Вмѣстѣ съ такими музыкантами, какъ гг. Шипекъ и Бюхнеръ, въ этомъ вечерѣ принимали участіе и такіе диллетанты, какъ г-жа Гаярина и г. Акимовъ. Впрочемъ относительно первой считаю необходимымъ оговориться. Эта пѣвица обладаетъ весьма симпатичнымъ контральтомъ, въ пѣніи ея замѣтна хорошая школа и настолько осповательное знаніе музыки, что она въ диллетантизмѣ представляетъ собою самое отрадное явленіе. Съ своей стороны я осмѣлюсь посоветовать ей пока только одно: побольше открывать свой ротикъ: отъ выполненія этого необходимаго условія сила голосовыхъ звуковъ значительно должна увеличиться. Г-жею Гаяриной исполнены были два романса Варламова и дуэтъ изъ «Жизни за Царя» вмѣстѣ съ г-мъ Акимовымъ.

Что касается до этого пѣвца, то мнѣ кажется, что музыкальный вечеръ ни мало не утратилъ бы своего достоинства, если бы онъ совѣтъ не участвовалъ въ немъ, а г-жа Гаярина навѣрно выиграла бы больше, если бы пѣла безъ акимовскаго сотрудничества. Встрѣчая г на Акимова довольно часто въ числѣ участвующихъ въ разныхъ концертахъ, я признаюсь откровенно: не знаю, къ какому разряду артистовъ онъ долженъ быть причисленъ? Г. Акимовъ, какъ многимъ вѣроятно извѣстно, участвовалъ и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ въ качествѣ *актера*, и... въ оперѣ въ качествѣ *пѣвца*. Будучи ученикомъ консерватори, хотя и не кончившимъ курса, ему не приходится быть въ званіи *диллетанта*; а между тѣмъ, въ строгомъ смыслѣ, при неблестящихъ природныхъ данныхъ, и *пѣвцомъ* его назвать какъ-то не совѣтъ ловко. Пожа-

945622

У В Ы Х О Д А.

(В. Невиллаго).

Господинъ. Что же ты, братецъ, моей женѣ сапоговъ не надѣнешь? У васъ, дикарей, и на это догадки нѣтъ!
 Слуга. Это какъ прикажете-съ... потому—не всякой дамѣ пріятно, когда ее за ножки трогаютъ.
 Господинъ. Всякой пріятно, дуракъ!

Онъ. Что это я все слышу,—ученицы говорятъ «футь да футь!» Какой такой футь? Надо вверить учителю, чтобъ онъ пѣбралъ ученицамъ не футь, а аршинъ.

ловать его развѣ въ *актеры*? Но для этого званія тоже нужны кое-какія *условія*, которыхъ въ г. нѣ Акимовѣ не имѣется. Что же такое за существо г. Акимовъ, не могущій быть причисленнымъ ни къ *пѣвцамъ*, ни къ *актерамъ*?

Въ этомъ же вечерѣ принимала участіе и наша даровитая артистка драматической труппы *г-жа Оедотова*. Она прочла два стихотворенія: «Весенняя смерть» и «Ночка». Последнее изъ этихъ стихотвореній хотя читалось въ Дворянскомъ клубѣ въ прошломъ еще сезонѣ, но въ настоящемъ вечерѣ оно представило интересъ повизны по менѣе эффектированному способу передачи его. Мнѣ неоднократно приходилось замѣчать и прежде, что г-жа Оедотова въ чтеніи позволяла себѣ прибѣгать къ науцкпой, фальшивой чувствительности, при чемъ въ звукѣ ея голоса постоянно слышалось то *дрожаніе*, которое извѣстно въ музыкѣ подъ названіемъ «вibrации» и которымъ она, ради эффекта, любила злоупотреблять. Но... ничего подобнаго не было замѣтно въ этотъ вечеръ въ чтеніи г-жи Оедотовой. Она представилась совершенно чуждо тѣхъ недостатковъ, замѣтивъ науцкпую эффектацію истинно художественною простотою и доказавъ тѣмъ, что она не осталась на пути къ усовершенствованію, а продолжаетъ

усердно трудиться на избранномъ ею поприщѣ. Чтобы отвыкнуть отъ тѣхъ недостатковъ и чтобы пренебречь тѣми восторженными рукоплесканіями, которыми поощрялись неразвитою массою публики тѣ именно эффектные недостатки, чтобы отрѣшиться отъ такихъ соблазнительныхъ поощреній, надо ту громадную силу воли, которая возможна въ артистѣ только при искренней любви къ искусству. Правда, что такая перемѣна къ лучшему въ нашей артисткѣ далеко не всею была оцѣнена. Чтеніе г-жи Оедотовой сопровождалось не жаркими аплодисментами; но пусть не смущается тѣмъ даровитая артистка! Какое ей дѣло до *публичнаго жара*, когда въ ней самой горитъ неугасаемый огонь, зажженный небесной искрой дарованія!... Какъ артистка, она обязана руководить массою публики, а не потворствовать ея испорченнымъ наклонностямъ! Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ замѣченному мною въ г-жѣ Оедотовой совершенствованію, я съ своей стороны осмѣлюсь ей замѣтить, что при полномъ ея отчужденіи отъ *науцкпой чувствительности* было бы не лишнимъ выказывать въ сильныхъ патетическихъ мѣстахъ болѣе *искренняго чувства*. Вотъ что только необходимо по моему мнѣнію нашей даровитой артисткѣ для ея полнаго успѣха.

550540
 Оден хенвенд ф...
 1891

- Что это ты книгами обложился?
- Да вот хочу читать публичные лекции ветеринарных наукъ.
- Да развѣ ты знаешь этотъ предметъ?
- Еще бы! Я еще у покойнаго родителя въ цирюльнѣ выучился кровь пускать, да цѣлыхъ пять лѣтъ одну генеральшу лѣчилъ!

Надѣюсь, что г-жа Федотова, неоднократно претендовавшая на меня за мои замѣчанія о ея игрѣ и чтеніи, на сей разъ не посѣтуетъ за мой искренній совѣтъ.

Для этого же вечера почтенный старшина клуба Н. П. Горловъ (распоряжающійся литературно-музыкальными вечерами) предполагалъ пригласить даровитѣйшаго чтеца *И. А. Григоровскаго*; но такое предположеніе, къ сожалѣнію, почему-то измѣнилось.

Не этимъ послѣднимъ литературно-музыкальнымъ вечеромъ окончатся сезонныя увеселенія Дворянскаго клуба. Готовится зрѣлище до сихъ поръ невиданное, такое зрѣлище, которое не можетъ не порадовать всѣхъ хотя сколько нибудь сочувствующихъ драматическому искусству. Въ будущее воскресенье, на такъ называемой «Красной горкѣ», Дворянскимъ клубомъ данъ будетъ въ большой залѣ Благороднаго собранія спектакль, въ которомъ *въ первый разъ* представится гоголевскій «Ревизоръ» безъ всякихъ выпусковъ, въ томъ первобытномъ видѣ, какимъ онъ вышелъ на свѣтъ Божій изъ подъ пера своего гениальнаго творца. Главныя роли Городничаго и Хлестакова будутъ исполняться даровитыми любителями гг. *Сусоровымъ* и *Багриновскимъ*. Безъ всякаго сомнѣнія московская публика сочувственно отнесется къ подобному спектаклю.

Н. Ф.—въ.

ДЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ДѢЯТЕЛЯ (*)

(провинціальная фантазія).

На одной изъ центральныхъ улицъ шумнаго города стоятъ большой каменный домъ, обнесенный съ двухъ сторонъ побурѣвшей отъ времени каменной стѣною и съ чугунными воротами на улицу. Этотъ домъ принадлежитъ ветхому потомку одного знаменитаго древняго предка. Владѣлецъ самъ не живетъ въ своемъ домѣ и отдаетъ его въ аренду, т. е. отдаетъ управляющій, ибо владѣлецъ самъ врядъ ли и помнитъ, что у него въ нашемъ городѣ есть домъ, такъ какъ онъ имѣетъ дома не только въ провинціи, но и въ обѣихъ русскихъ столицахъ, и всѣ работы по хозяйственной части возложилъ на управляющаго, весьма знатнаго и ловкаго барина. Мрачно и угрюмо на свѣтъ божій глядитъ изъ за рѣшетки когда-то веселый домъ: воспоминаетъ ли онъ прошлое и грусть о минувшей словѣ своей, или недоволенъ нынѣшними своими обитателями и сердится, что они каждый день съ утра и до поздней ночи сидятъ за большими столами и корпятъ надъ какими-то до того мудренными бумагами, что отъ постоянного напряженія уразумѣть смыслъ послѣднихъ сохнетъ человѣческій мозгъ и самъ человѣкъ, вѣнецъ созданія, превращается въ никуда негодный голикъ? Трудно сказать,

(*) См. «Развлеченіе» № 14-й.

отчего насунился большой домъ: Богъ его вѣдаетъ, что у него тамъ въ почернѣвшихъ стѣнахъ таится!...

Читатель! здѣсь, въ этомъ тоскующемъ и сердитомъ домѣ помѣщается та великая Головоломня въ которой играетъ важную роль нашъ общественный дѣятель, Иванъ Иванычъ Вертихвостовъ.

Половина уже третьяго. Во всѣхъ комнатахъ Головоломни большихъ и малыхъ идетъ непрерывная, упорная работа; только и видны что однѣ ложбинообразныя столы и затылки труженниковъ, немилосердно истребляющихъ цѣлыми кипами бумагу. Мимо ихъ, этихъ труженниковъ, то и знай проносятся жеребчиками молодые и пожилые люди во фракахъ и разныхъ пиджачкахъ; они беззаботно что-то насвистываютъ или въ полголоса напѣваютъ какую-нибудь веселую пѣсенку; смотрятъ жеребчики такими довольными и сѣющими, что даже со стороны на нихъ глядѣть пріятно. Счастливы!... Однако такихъ любимцовъ судьбы не много въ Головоломнѣ... Богъ съ ними! пусть они наслаждаются жизнью и проводятъ дни счастливо, — жизнь коротка...

— А должно быть нашъ общественный дѣятель сегодня не заглянетъ въ Головоломню, говоритъ джентльменъ во фракѣ, вынувъ золотыя часы и мелькомъ взглянувъ на часовую стрѣлку: — скоро три.

— Ну, нѣтъ, отвѣчаетъ другой, мужчина среднихъ лѣтъ и въ сюртукѣ: — хоть на минуту, а все заглянетъ. Вы знаете, какой онъ у насъ усердный!

Сюртукъ улыбается, фракъ громко хохочетъ.

Да, да! весело говорить фракъ: — усердія, ревности къ дѣлу чертовски много. Ну те-ка, Дормидонъ Сидорычъ пойдемъ-те покурить!

Въ передней видѣлась толпа просителей. Когда сюртукъ и фракъ поровнялись съ передней, то изъ двери послѣдней высунулась голова и поманила ручкой джентльмена во фракѣ.

— Эй, милый, слышь-ка! произнесла съ улыбкою голова: — на пару словъ...

Но фракъ только окинулъ презрительнымъ взоромъ голову и, не удостоивъ отвѣта, пронесся съ сюртукомъ мимо, въ курильную.

Голова опять улыбнулась и начала робко осматриваться по сторонамъ, гдѣ всюду красовались затылки и спины; высмотрѣвъ наконецъ одного господина въ необыкновенно узкихъ брюкахъ и короткомъ пиджакѣ, сидѣвшаго особо отъ другихъ и хлопавшаго костяшками огромныхъ счетовъ, голова снова начала улыбаться и манить ручкой. Но такъ какъ джентльменъ въ узкихъ панталонахъ, видимо очень былъ занятъ счетами и не замѣчалъ дѣлаемыхъ ему сигналовъ, то голова принялась кашлять, сперва тихо, по дамскому какъ говорятъ, потомъ все громче, и въ концѣ концовъ такъ раскашлялась, что серьезный джентльменъ остановилъ палецъ и невольно обернулся въ ту сторону откуда разносился кашель. Едва голова уловила установленный на нее вопросительно серьезный взглядъ какъ тотчасъ перестала кашлять, опять стала сладко улыбаться и поманивать ручкою.

— Эй, милый! зывала потихоньку голова. — На пару словъ... Дѣльцо!... Пожалуйте-съ!

Джентльменъ всталъ изъ за своей конторки, и вся передняя тутъ увидѣла, какъ этотъ господинъ, чрезвычайно высокаго роста и нѣсколько сутоловатый, сдѣлавъ всего какихъ-нибудь три шага черезъ большую комнату, очу-

тился уже передъ самымъ носомъ улыбающейся головы и спросилъ:

— Что вамъ нужно?

Голова при этомъ вопросѣ изобразила необыкновенную пріятность на лицѣ и отвѣчала.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ, милый. Я здѣшній мѣщанинъ и, значить, имѣю свою недвижимую собственность въ Козьей слободкѣ, и потому значить осмѣлился побезпокоить васъ. Извольте видѣть, у меня-съ на дворѣ есть куча...

— Пошелъ ты! сказалъ озадаченный джентльменъ. — Мнѣ какое дѣло что у васъ есть куча?...

— Позвольте-съ куча эта для меня составляетъ очинно, такъ сказать, важный предметъ... Уидеръ...

По высокій господинъ, благодаря своимъ длиннымъ ногамъ былъ уже далеко отъ двери передней и сѣлся опять за конторку.

Мѣщанинъ только руками рзвелъ.

— Въ резонъ не принимають проговорилъ онъ, обращаясь ко всей публикѣ, находившейся въ передней.

— Ахъ господа! да скороли онъ пріѣдетъ? слышались межъ тѣмъ въ передней другіе голоса. — Просто изморились, дожидаячися его здѣсь съ утра...

Вдругъ, точно ворвавшись откуда-то неожиданно рѣзкій вѣтеръ, пронесся по всѣмъ дѣловымъ комнатамъ Головоломню: «тсс! пріѣхалъ».

Господа! шляпы долой! Общественный дѣятель вступилъ одной ногою въ Головоломню...

— Что безъ меня ничего не дѣлали, били только баклуши, а? раздался полный и высокій голосъ нашего общественного дѣятеля. Портили общественную бумагу, ввали, а? Да? Увидимъ посмотримъ, какъ вы на благо общества стараетесь — увидимъ!

И разряжался этими выстрѣлами, стоя посреди громадной залы и повертываясь на каблучкахъ, общественный дѣятель наскочилъ на одинъ затылокъ. Нужно замѣтить, что Иванъ Иванычъ Вертихвостовъ въ настоящую минуту былъ одѣтъ въ модный короткій пиджакъ, въ модныхъ панталонахъ и блистательныхъ лаковыхъ штиблетахъ; онъ успѣлъ осѣдлать свой носъ золотымъ рипсе-пез и сквозь него обозрѣвалъ каллиграфическія упражненія затылка.

— Навралъ, испортилъ дѣло, началъ общественный дѣятель...

— Помилуйте-съ я... проговорилъ было писавшій.

— Слышите ничего не хочу, закричалъ весь вспыхнувъ дѣятель, и голосъ его, достигнувъ на этомъ мѣстѣ самой высокой ноты, перешелъ въ грозный и пронзительный дискантъ. — Навралъ, безбожно навралъ! Это что: «по тридцать восьмому отдѣленію Головоломни...» Развѣ можно «отдѣленіе» писать съ маленькой буквы? а, а?... Я не потеряю ни малѣйшаго нарушения общественныхъ интересовъ... Слышите? Переписать снова всю бумагу!

Дѣятель, довольный произведеннымъ на подчиненныхъ впечатлѣніемъ, повернулся на коблучкахъ и полетѣлъ къ своей конторкѣ, для красоты слова и большей важности именуемой всѣми «бюро г. Вертихвостова». Здѣсь нашъ герой взглянулъ мелькомъ на двѣ на три бумаги, и медленно швырнулъ ихъ на сосѣдній столъ.

— Ничего не разберешь! пишутъ, точно курица бродила... За что вамъ жалованье платять, а? Все лѣнь, небрежность! кричалъ дѣятель, не обращаясь ни къ кому

лично, но сосѣдній столъ долженъ былъ все непосредственно принимать на свой счетъ.— А, Дормидонъ Сидорыч! здравствуйте, сказалъ Вертихвостовъ, протягивая руку пожилому господину въ сюртукъ.— Ну, что у васъ новаго?

— Да пока ничего, Иванъ Ивановичъ, отвѣчалъ почти-тельно сюртукъ.— Васъ ожидаются просители, добавилъ онъ, указывая на переднюю.

— Ну, что имъ нужно, что? заговорилъ дѣтель и, не дожидаясь отвѣта, ринулся къ ожидавшей его около дверей толпѣ.— У кого до меня дѣла говорите скорѣе, мнѣ некогда, я занятъ извольте говорить!

Дѣтель запустилъ руки въ карманы брюкъ и откинулъ впередъ правую ногу.

Такъ какъ мѣщанинъ изъ Козьей слободки стоялъ къ нему всѣхъ ближе, то онъ первый и воспользовался представившимся случаемъ изложить передъ лицомъ дѣтеля свою просьбу.

— Явите свое высокое покровительство, ваше благородіе, началъ мѣщанинъ, отвѣшивая поклонъ и пріятно улыбаясь.— Моя къ вамъ покорнѣйшая просьба...

— Безъ лишнихъ словъ, перебилъ Вертихвостовъ:— говорите, въ чемъ дѣло! Короче!

— Въ двухъ словахъ. Мѣщанинъ изъ Козьей слободки...

— Ну?

— Имѣю недвижимость и кучу...

— Что?! Кучу? Какую кучу? гдѣ?

— Собственную свою, да дворъ... И такъ какъ значить, городской ундеръ...

— Пошелъ вонъ! Вамъ что угодно? быстро повернулся Вертихвостовъ къ барынѣ, не обращая больше вниманія на мѣщанина, желавшаго продолжать.— Только, пожалуйста, короче, для меня дорога всякая минута!

— Я узнала, что мой домъ назначенъ къ продажѣ съ аукціона, начала барыня.— Позвольте мнѣ у васъ спросить совѣта...

Въ эту минуту къ Вертихвостову приблизился съ бумагою молодой человѣкъ и остановился позади, и Иванъ Ивановичъ, словно по чутью, обернулся и вырвалъ у него бумагу.

— Продолжайте, сударыня, я васъ слушаю, сказалъ Вертихвостовъ, стоя лицомъ къ молодому человѣку и пробѣгая бумагу.— Это вы писали, душенька?

— Такъ точно-съ, я-съ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Вы-съ? Очень пріятно. Скажите теперь: что вы это такое мнѣ подали?

Молодой человѣкъ растерялся.

— Отчетъ съ, въ двухъ экземплярахъ-съ...

— Такъ съ. Я долженъ подписать? Прекрасно. А знаете ли вы, душенька, что за подобный отчетъ я васъ сегодня же уволю, а? Развѣ усердные исполнители такъ пишуть? Развѣ они могутъ дѣлать въ отчетахъ такія важныя ошибки? А отъ чего? Все отъ нерадѣнія, отъ невниманія къ своимъ священнымъ обязанностямъ! Если вы хотите служить, вы должны работать и работать. Вотъ тогда вы будете полезный дѣтель, общество вамъ скажетъ спасибо... Вы видите, какъ я самъ тружусь! Я не жалю себя, и всего себя посвящаю на благо общества, моя душа и тѣло все принадлежитъ обществу... Да! Мы обществен-

ные дѣтели, мы должны ему служить, умереть для него! Понимаете? А вы? вы въ итогъ на цѣлую копейку и пять десятыхъ ошиблись! Взгляните на черновой экземпляръ! Видите?

— Но тамъ... тамъ не вѣрно-съ былъ подсчитанъ итогъ, едва выговорилъ молодой человѣкъ.

— Слышать ничего не хочу! Закричалъ Верхохвостовъ.— Переписать снова, слышите! Лѣнь, нерадѣніе!...

— Господинъ Вертохвостовъ, сказала барыня.

Общественный дѣтель обернулся.

— Да, вы что-то говорили, проговорилъ онъ, вынимая золотой хронометръ.— Ну-съ, теперь больше не могу васъ слушать: три часа и десять минутъ. Некогда, долгъ службы. Мое почтеніе!

И, повернувшись на каблукахъ, дѣтель понесся въ сосѣднюю комнату. Въ передней поднялся говоръ.

«Что же это?» «Какъ вѣжливъ»!... А у меня дѣло».... «Когда же это толкъ будетъ»? «Ахъ, Господи»!

— Нѣтъ, вы въ мое положеніе войдите-съ! рѣзче другихъ выдавался голосъ мѣщанина изъ Козьей слободки.— Что я теперича буду дѣлать съ энтой кучей? Ундеръ по сту разъ на день пристааетъ: «Ты, говорить, пошлины въ Головоломню обязанъ за кучу платить, а то, значить, штрафъ съ тебя двѣсти серебра взыщутъ». За что, помилуйте-съ? Куча нешто безпокоитъ кого? Желалъ на энтогъ счетъ получить вѣрныя свѣдѣнія, а тутъ и въ резонъ не принимаютъ.... Что же теперича остается мнѣ дѣлать съ кучей? Доходу я съ нея не получаю.... Истинная погибель, сей-часъ умереть!... Ахъ, куча, куча!

Между тѣмъ общественный дѣтель, обѣжавъ всѣ присутственныя комнаты и попомнивъ затылкамъ, чтобы «работали», направился въ швейцарскую, гдѣ на него почтительно и осторожно надѣли шубу, и затѣмъ сѣлъ на своего орловскаго рысака и умчался въ трактиръ Сморчкова обѣдать.

Оставимъ и мы Головоломню, и отправимся за общественнымъ дѣтелемъ.... Но мы теперь будемъ не многорѣчивы: взглянемъ бѣгло на остальной день общественного дѣтеля.

За обѣдомъ, въ компаніи пріятелей, Иванъ Ивановичъ жаловался на трудность своихъ служебныхъ обязанностей и говорилъ:

— Да, господа, быть общественнымъ дѣтелемъ — великій трудъ! Нужны силы и силы, а борьба, а интриги, а злословіе! О, это подвигъ, господа, крестъ!

— Еще бы! проговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, красный какъ піонъ: — служить обществу—дѣло великое. Именно, какъ ты говоришь, крестъ надо нести. Вѣрно! Ну-ка, полдюжики шампанскаго велимъ подать?

Предложеніе піона одобрено и принято.

Послѣ обѣда нашъ герой заѣзжаетъ домой, отдыхаетъ, потомъ переодѣвается и ѣдетъ въ театръ. Мѣсто онъ въ театрѣ занимаетъ во второмъ или третьемъ ряду, смотря по расположенію; надо сказать, Иванъ Ивановичъ не любитъ зря бросать денюжками. Въ театрѣ онъ не столько занятъ представленіемъ, сколько тѣмъ, чтобы какъ-нибудь забѣжать и изловчиться засвидѣтельствовать свое почтеніе графу Быкову, который въ нашемъ городѣ занимаетъ важное общественное положеніе. И какъ доволенъ, счастливъ всегда бываетъ Иванъ

Иванычъ, когда графъ удостоитъ его изъ перваго ряда кресель или ложи благосклоннаго кивка! О да это и стоитъ того, чтобы вознаградить себя за все свои трудности и подвиги въ качествѣ общественнаго дѣятеля!...

Изъ театра общественный дѣятель заѣзжаетъ въ трактиръ Эльдорадо и тамъ ужинаетъ съ пріятелями. Въ 2 часа онъ прощается.

— Куда? останавливаютъ пріятели. — Выпьемъ еще по бутылочкѣ семи рублеваго рейнъ-вейна?

— Вамъ хорошо сидѣть, хоть до свѣта, обыкновенно скажетъ въ такихъ разгахъ Вертихвостовъ. — А у меня—Головоломня на шеѣ сидитъ! Охъ!

— Ну, вотъ! Пустяки, садись!

— Пустяки! Попробуй-ка ты посидѣть въ моей шкурѣ, такъ и узнаешь, что значитъ Головоломня! Крестъ, братія, крестъ!

— А, ну, убирайся коли такъ! съ досадой крикнетъ другой пріятель. — Поситя съ своей Головоломнею, какъ дурень съ красной торбою! Уходи, чертъ съ тобою!

Вертихвостовъ возвращается домой. Парамонъ, грустно поглядывая на своего барина и ежеминутно вздыхая, раздѣняетъ его и уложить.

— Успите, сударь, усните. Чай, за день-то какъ умаялись, сколько трудовъ своихъ положили для общества... Спокойной ночи-съ, пріятнаго сна!

И Парамонъ, еще разъ громко вздохнетъ, на цыпочкахъ и не слышно уходитъ изъ опочивальни барина.

— Да, трудно, трудно, думаетъ про себя самъ Иванъ Иванычъ, накрываясь мягкимъ и теплымъ одеяломъ.—И завтра таже безконечная работа и борьба... Но одна награда: знаешь, что ты не напрасно работаешь, приносишь обществу пользу... Вотъ что заставляетъ меня служить въ Головоломнѣ!...

И на этой пріятной мысли Иванъ Иванычъ Вертихвостовъ сладко засыпаетъ.

Тсс! тише, господа, не мѣшайте спать общественному дѣятелю!...

Спи и ты, нашъ богоспасаемый провинціальный городъ! Спи! .

Н. У—нъ.

СТРАННОЕ СОЗНАНІЕ

Г. Ливановъ, который пріобрѣлъ въ послѣднее время особенную извѣстность, напечаталъ при № 96 «Современныхъ Извѣстій» обширный отчетъ о двухъ засѣданіяхъ Артистическаго Кружка. Негодуя на Кружокъ за то, что онъ дерзнулъ исключить его изъ числа своихъ членовъ, онъ въ концѣ статьи своей восклицаетъ съ жаромъ: «я стою (въ своей книгѣ) на твердой почвѣ неопровержимыхъ формальныхъ актовъ, преслѣдую одно добро и правду!»

За что же это вы преслѣдуете ихъ, г. Ливановъ? чѣмъ они предъ вами провинились? Положимъ, что правда глаза клеветъ, ну а добро-то за что преслѣдовать?

И О П Р - А - В К А. Въ прошломъ номерѣ, въ концѣ «Театральныхъ замѣтокъ, вмѣсто «Аталія» должно читать «Говорія».

СОДЕРЖАНІЕ: Похищеніе Европы. Стих. Ф. Б. Миллера.— Меблирге-циммеръ. П. В. Ано...ва.—Московскій Наблюдатель. И. Ф—ва.—День общественнаго дѣятеля. Н. У—на.—Странное сознаніе.—Рисунки.—Объявленіе.

Редакторъ-издатель Ф. МИЛЛЕРЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ПОЛНЫЙ КУРСЪ ЧИСТОПИСАНІЯ

или 12 въ три листа тетрадей (писчей бумаги) на 30 уроковъ, для практическаго, безъ помощи учителя, наученія письму. или совершеннаго исправленія невѣрнаго (неразборчиваго) почерка руки. Это новѣйшій методъ американскій. Литографскіе тетради А. Касаткиннмъ. Изд. Я. Ф. Богданова. Москва, 1870 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Въ дѣлѣ практическаго примѣненія педагогическихъ пріемовъ, американцы далеко сзади себя оставили Старый Свѣтъ, поэтому ихъ методы всегда удачнѣе другихъ. Съ перваго взгляда на

гравированныя тетради легко всякому убѣдиться, что въ 30 уроковъ, безъ помощи учителя, не тративъ бумаги, не только начинающіе учиться писать безъ труда могутъ выучиться писать четко и красиво, но и тѣ, которые пожелали бы исправить свой почеркъ, легко и скоро исправятъ такой. Особенно этотъ курсъ рекомендуется провинціямъ, гдѣ трудно найти хорошихъ учителей. Учебныя заведенія и книгопродавцы при выпискѣ не менѣе 10 экз. пользуются уступкою 20 проц съ рубля.

Продаются въ Москвѣ, у книгопродавца Я. Ф. Богданова

1.